

Александр Муниров

Прощение

Мое неизбывное ощущение бездомности - моя беда

Знаете, как появились звезды?
Когда ангелы падали с небес на землю,
каждый из них пробил в небе отверстие
и, метеоритом, устремился сюда.

Александр Муниров

Прощение

«Издательские решения»

Муниров А.

Прощение / А. Муниров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937413-4

Я — катализатор. Химический реагент, наркотик, который поначалу кажется амброзией. Кому-то он дает иллюзию силы, кому-то иллюзию храбрости, кто-то получает вдохновение. На время. А потом они идут и идут за новыми порциями, потому как собственных ресурсов не хватает и хочется дальше черпать у меня. Но это опасно, друг мой Судья, потому что потребность после первой дозы растет очень быстро.

ISBN 978-5-44-937413-4

© Муниров А.
© Издательские решения

Прощение

Александр Муниров

Дизайнер обложки Катя Дракон

© Александр Муниров, 2018

© Катя Дракон, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-7413-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В то время интеллигентное общество любило рассказывать о себе посредством электронных дневников, большей частью выливая туда свою тоску о мироустройстве, мол, окружающее не таково, какое им нужно – слишком обыкновенное, почти не творческое, как того хотелось бы интеллигентному обществу. Они и сами, в общем-то, соответствовали ему – слишком обыкновенные, чтобы видеть необыкновенное и слегка творческие, во всяком случае, в той достаточной степени, чтобы изящно выражать свою печаль в более-менее грамотных и публичных текстах.

А она была квинтэссенцией этой волны.

Ее дневник был выдержан в мрачных серых тонах; еще не прочитав ни одного поста, только зайдя на страницу, читатель понимал: здесь не место веселью, и то было первой из ловушек, фильтром, отцеживающим ее жертв. В самом дневнике прятались готические картинки и романтическая меланхоличная музыка, на мой взгляд чуть приторная, современная, или та, что совсем недавно была современной – времен восхождения готик-рока и смежных ему жанров. Время от времени в текстах встречались стихи, чужие, но чаще всего неплохие. Но гораздо чаще всего перечисленного тексты – зарисовочки, являвшиеся второй из ловушек:

«Вопреки моим ожиданиям и настроению, сегодня из-за туч впервые показалось солнце. 8:42 – я засекала время, когда луч пронзил небесную толщу и коснулся земли. Как надежда, как привет из лучшего мира, печальная улыбка разлученного любовника, воздушный поцелуй Бога, на миг обратившего на тебя свое внимание... в 8:43 все вернулось на круги своя. Однако это приятное воспоминание теперь будет греть меня до конца дня. И хорошо, ведь в 9:12 вновь начался дождь. Но я встретила его прекрасным настроением.

Минута отдыха от ранней, мокрой и грязной весны, словно болото, засасывающей все твои мысли, напоминающей о том, что все пока еще мертво и принадлежит мертвым».

Сперва я не обратил на нее внимания, хотя, по роду прошлой деятельности, стоило бы:

«В автобусе ко мне подошел молодой человек, владелец пустых измученных глаз. Его ярко-синяя куртка до того контрастировала с окружающим миром, что захотелось крикнуть ему: «Беги! Беги, пока можешь, тебе не место среди нас!» – но было достаточно одного взгляда в эти глаза, чтобы увидеть – бежать уже поздно.

Он попросил мой телефон.

Нет-нет-нет, мой несостоявшийся беглец, твоя ярко-синяя оболочка меня не обманет».

Как светлячок удильщика, ее тексты были тем, к чему тянулись люди, неспособные выразить свою тоску лучше.

– Ты даже не представляешь себе, друг мой, скольких людей привлекает возвышенная пустота, – говорила она, когда мы пили с ней кофе в небольшом заведении, выбранном для встреч на нейтральной территории. Мы оба ценили хороший кофе.

У нее густые светлые волосы и необыкновенные светлые глаза, то ли серого, то ли голубого оттенка, в зависимости от освещения. В ее руке почти всегда лежит самый дорогой из возможных смартфонов, непременно белого цвета; да и все ее вещи светлые, словно призванные намекать, что она вот-вот растворится в воздухе. Ей очень нравилась уже ушедшая в прошлое готическая субкультура, хотя она никоим образом не пыталась следовать ни готам, ни кому другому, даже моде, даже доведенной, как она выражалась, до искусственной вульгарности журнальной внешности или домашнему уюту. Ничему такому, что презентуют другие женщины в надежде заполучить в свои сети кавалеров. Она была воздух и снег, намекающая на невинность, возможность исчезнуть в любой момент, то самое невесомое, образ, привлекающий безнадежных романтиков-идеалистов, ищущих что-то такое в каждой женщине.

И это удавалось, хотя писала она всегда так, будто сама искала то, что воплощала.

«Мой невероятный выдуманный, возможный идеал. Если бы не ты, моя жизнь была бы гораздо проще. Не было бы столько безответности, я была бы как все и решала свои повседневные задачки, вгрызаясь в быт и посвящая радостям от результатов сиюминутного труда всю свою жизнь. Нашла бы мужчину, на которого могла бы положиться во всем, родила бы ему ребенка или двух, дала бы им обычные имена и радовалась так, как радуются в детстве куклам. Но, мой идеал, прости, я не могу тебя забыть. Когда у людей рядом не хватает ума думать о глупостях, вроде солнечных зайцев, пляшущих на подоконнике, или прозрачности воздуха, такой, при которой его уже не хватает, чтобы надышаться, все становится слишком просто. Поэтому, я все еще тебя жду».

Неверно было бы думать, что она легко относилась к своим словам. Напротив, она была искренна настолько, что, казалось, светится изнутри когда говорит. Взгляд, в котором всегда чувствовался невысказанный вопрос, и слегка ироничная улыбка только подчеркивали это. Она всецело соответствовала духу написанного, но слова, все же, были лишь оберткой для ее сути.

Она просто не могла по другому и хорошо это осознавала, предпочитая получать удовольствие, а не мучиться.

Она первой обратила внимание на мой дневник, где я коротал время, выкладывая понравившуюся музыку и свои ощущения от нее. Вот на эту запись:

«Флойды, своей последней песней, в 94-ом году, при помощи гитарных соло и клавиш, так размазывают слушателя по минорной палитре звуков, что невольно начинаешь чувствовать свою никчемность перед медленно стирающим все ластиком времени».

Флойды, через двадцать лет после описываемого мной релиза, выпустили еще один альбом, но тогда я этого еще не знал.

А через два часа после той публикации, она написала комментарий:

«Благодаря тебе, я вижу еще одно доказательство тому, что Дарвин был не прав в отношении людей. Называть их развитыми обезьянами равно принижать все их достижения».

Так мы и познакомились и через неделю договорились встретиться и выпить кофе в той самой кофейне, которую после использовали для общения.

Когда прозвонил колокольчик над входной дверью, и вошла она, я уже расположился за столом, передо мной стояли две чашки с кофе и какие-то сладости. Ее фотографий я раньше не видел, но одного взгляд

а хватило, чтобы понять кто это.

Мое сердце, казалось, стукнуло громче обычного и замерло.

На ней были надеты белое пальто и белые перчатки. Она медленно шла ко мне, закусив нижнюю губу, будто для того, чтобы не улыбаться и внимательно смотрела. В глазах, я видел даже отсюда, плясали лихие искорки. А сам я сидел и слушал, как в ушах шумит кровь.

Невероятно.

– О, как удачно я ошиблась, – сказала она, и, наконец прорвавшаяся, ее улыбка была виноватой и чуть разочарованной – она тоже меня узнала, – ты мне не подходишь.

Сердце медленно и нехотя начало работать.

– В каком смысле? – только и спросил я.

И она рассказала пока мы пили кофе и делали вид, что едим пирожные, так как ни я, ни она пирожных не любили.

– Все желают найти что-нибудь совершенное... или кого-нибудь. Идеальную родственную душу, что страдает в унисон с тобой и способна, только тем самым, тебя понять, но и обладающую также достаточной силой, чтобы залечить эти раны. В этой находке, они считают, и есть счастье. Однако чаще возникает резонанс между идеальностью другого и их собственной неидеальностью, который и разрушает людей. Казалось бы простая истина, но никто не хочет ее принимать.

– И ты этим пользуешься?

– Что-то вроде того, – она продолжала улыбаться, будто рассказывала сказку с хорошим концом.

– А что потом?

– По разному, – она пожала плечами, невинная в своей искренности, – но ты – господин Судья – это уже чересчур. Было бы забавно попробовать, но вряд ли, вряд ли, сам понимаешь. Да и опасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.